

М. КУЗМИН

«Cor ardens» Вячеслава Иванова

«Со страхом и трепетом»¹ мне слышится, когда я хочу говорить о лучшей, самой значительной и, может быть, вместе с тем самой интимной книге одного из главных наших учителей и руководителей в поэзии. Еще более понятную робость и смущение я чувствую, читая страницу посвящения². Как многого нельзя, не сумеешь и не сможешь сказать! И приходится отвлечься от дружеских и всяческих других отношений и видеть в печатных строчках даже не то, что видишь, а то, что через них может видеть всякий, имеющий глаз и не злую волю. Тем более трудно высказываться о целой книге, когда из нее вышла всего одна половина³. Положим, это не могло бы остановить, так как, как бы ни была искусно составлена книга, не писавшаяся как таковая, а являющаяся собою⁴ всегда сборник лирических стихотворений, часто случайных и объединенных лишь временем написания. Нам кажется явлением специально наших дней стремление объединять лирические стихотворения в циклы, а эти последние в *книги*⁵. Конечно, можно сослаться на «Canzoniere» Петрарки⁶, но дело в том, что не является ли данная книга отражением одного единственного чувства поэта? Цельность может сохранить лишь цикл, написанный залпом (напр., отдел «Эрос» в «Cor ardens»), или поддерживается она внешним намеком на фабулу, единством формы («Золотые завесы») и приемов⁷. Во всяком же другом случае цельность будет всегда лишь *более или менее* достигнута. Тем более этого трудно требовать от книги. И при всем искусстве, ловкости и логичности в составлении отделов и в группировке материала, «Cor ardens» все-таки нам представляется

скорее прекрасным сборником стихов, чем планомерно сначала задуманной книгой. Потому мы решаемся говорить о ней, не дожидаясь ее окончания.

Прежде всего нужно утвердить, что Вячеслав Иванов — поэт почти исключительно лирический, если принять во внимание, что лирика бывает не только любовною, но и религиозною, пророческою, метафизическою и диалектической (в той мере, поскольку диалектичны сонеты Шекспира, Петрарки и ранние итальянцы)⁸. Подобной лирике мы противопоставляем монолог описания и поэзию ораторскую, если бы эти слова не были настолько несовместимы. Поэзия Вячеслава Иванова принадлежит почти всецело оде, гимну и песни; мы не хотим этим сказать, что Иванову чужды и послания (почти весь отдел «Пристрастий»), и элегии, и другие разновидности поэтических содержаний, но кажется, что душа его лежит к первым трем. Некоторые пьесы этого поэта требуют как бы комментария, вроде канцоны Кавальканти⁹, подвергавшейся неоднократным объяснениям. Комментариям, разумеется, не историческим, которым настанет время, когда забудутся те немногие имена современников, что упоминает автор, но философским и метафизическим. К «Сну Мелампа» Вяч. Иванов сам счел нужным приложить род краткого изъяснения¹⁰. Это происходит отнюдь не от неясности мысли или неточности, приблизительности выражений, но от насыщенной сжатости того и другого или же отдельных скачков¹¹, минуя скучную дорогу логической связи, всегда существующей, от образа к образу, к эпитету от эпитета. Поэт не допускает пустых строк, незначащих слов, как бы не отпуская¹² ни на минуту поводьев, не давая отдыха вниманию и образно-мыслительной способности слушателя. Подчас это, конечно, может и утомлять, и мы не представляем себе даму в вагоне или вернувшуюся после бала домой, которая бы стала перелистывать, мечтая и вздыхая, том Вяч. Иванова, так же как мы уверены, что ни одно стихотворение объемистого волюма не может пройти незамеченным, «в одно ухо войти, в другое выйти»; каждое, пленив, ослепив, рассердив, возмущив, — заставит к себе вернуться, вникнуть, понять, принять или отвергнуть, но не забыть. Конечно, это отчасти и работа, не только наслаждение, но иному, с чувством пробренчавшему «Lieder ohne Worte»¹³, может показаться непосильным трудом слушать фуги Баха. Притом «поэтический язык» Вяч. Иванова, может быть, более, чем у кого иного, разнится от литературной

речи (наименее поэтической) и слишком русский¹⁴ для некоторых петербургских ушей, так что ленивому читателю симулировать непонятливость очень удобно, мы же утверждаем, что «слова» Вяч. Иванова всегда понятны и в пьесах чисто лирических (как весь отдел «Повечерие», которое — словно подвеска из слез-жемчугов на иконе) достигают высшей простоты (но не пустоты) и прозрачности. Стремление к полноте и насыщенности иногда заставляет поэта брать образы из разных эпох в одном и том же произведении, в чем скорее можно видеть непосредственность, нежели надуманность. Притом нам кажется, что некоторые образы настолько стали символами, что потеряли связь с эпохой, их породившей. Границы же между общеизвестными и претенциозно археологическими упоминаниями так неустойчивы, что руководствоваться тут можно лишь вкусом и художественным тактом. Неоднократно указывалось просто на неудобочитаемость многих строчек Вяч. Иванова¹⁵, причем упускается из виду, что всякое стихотворение, как предназначенное для слуха, а не для глаза, требует своего темпа, своих пауз, своих синкоп. Едва ли меркою благозвучности можно считать прием чтения скороговоркою любого стихотворения, и тогда, конечно, такие строки, как:

Стелетнедругукассандра
Рокасетымрежикар¹⁶ —

едва ли будут ласкать ухо, но лишь коснется их темп, паузы и т. п., как всякое косноязычие пропадает:

Стелет недругу | Кассандра
Рока сеть | и мрежи | кар.

Хотя нужно сказать, что известная невнятность слов, известное усилие и напряжение чувствуется именно в наиболее значительных и устремительных вещах. Не то чтобы язык поэта делался менее блестящ, вразумителен и полон, но волны, клубы какой-то чрезмерной насыщенности заволакивают ясные контуры. И думаешь, что прекрасно и точно сказано о глубоком, но что таимое под этим настолько близко и глубоко, что почти не поддается людской речи. И кажется, что

Еще окрылиться робело

Души несказанное слово, —
 А юным очам голубела
 Радость Покрова.
 И долго незримого храма
 Дымилось явленное чудо
 И застила синь фимиама
 Блеск изумруда¹⁷.

А очи и дух Вяч. Иванова всегда юны, несмотря на мудрость, оттого восторг, пыл и несомненный темперамент. Не отроческой, а зрелой юности. Где мужественность определена, невзирая на нежность, порывистость и остановки тишины:

«Сердце, стань!
 Сердце, стань!»¹⁸

Вяч. Иванов часто делает себя лунным, открывая свои глаза прозрению, гаданию, ночи, но состав его, более солнечный и мужественный, неудержимо влечет его на predetermined путь, и туманы более похожи на пелену, которой кипучая кровь застилает глаза порою, на «синь фимиама», которая застит блеск изумруда, нежели на «лунный ладан», в котором любо купаться А. Блоку. Поэзия Вяч. Иванова — звук труб и флейт, шум крыльев, бег белых коней, которые станут¹⁹ с нежным ржанием только в час жертвенной тишины.

Говорить ли нам о технике? Пусть другие это сделают со спокойным духом, мы же напомним, что техника стиха, общих и частичных форм, теперь имеет лишь двух мастеров: Валерия Брюсова и Вяч. Иванова.

1912

